

Как и ожидалось, во время следующей стычки всадника сбили с седла. Тотчас же из толпы выскочили люди и подхватили его, не дав попасть под копыта. Скорость, с которой они действовали, говорила о том, что всё было подготовлено заранее.

Победитель, под восторженные крики толпы, взмахнул руками и поскакал по кругу, и чем дальше он ехал, тем громче ликовали зрители. Натешившись, он спрыгнул с лошади и в окружении свиты удалился.

Они были так молоды, а причиной их пылкого стремления к справедливости могла стать всего лишь красавица.

Когда воспоминания Чэн Цяньжэня подошли к концу, Сюй Жань уже ушла, а Гу Сюэцзян мыл посуду во дворе.

Чэн Цяньжэнь налил себе чаю и вдруг, вспомнив кое-что, спросил:

— Гу-эр, когда мы вчера встретили того человека, что ты подмешал в чай?

Тот человек выплюнул его после первого же глотка. Не могло же дело быть в самом чае — Чэн Цяньжэнь купил его сам, дешево и сердито, такой пили и дома, и в лавке.

Гу-эр поднял голову и с недоумением ответил:

— Я ничего не подмешивал. Зачем мне это?

Чэн Цяньжэнь:

— ...Неужели он был настолько невкусным?

Гу-эр наконец сообразил:

— Он был вкусным! Это он не умеет ценить чай, не бери в голову.

Чэн Цяньжэнь:

— ...

Лучше бы он промолчал — утешение не помогло.

Когда молодой господин Гу закончил с посудой и ушел, Чэн Цяньжэнь спохватился, что забыл спросить его о Турнире двух академий.

После обеда он учился вместе с Чжулю, а поужинав, увидел у стены зонт и вспомнил, что

обещал хозяину лавки вернуть его сегодня.

Эх, ну и память у меня, как у решета.

Пришлось ему взять свой старый меч и выйти из дома, ворча на самого себя: утром возвращаю книги, вечером — зонты, вечно что-то одалживаю, и все из-за бедности. Вот разбогатею — куплю огромный книжный шкаф и тысячи книг. Хотя нет, зачем богатому учиться? Конечно, буду целыми днями только есть, пить и развлекаться.

Надо купить сто зонтов. Опять не то — зачем богачу зонт? В дождь он ездит в паланкине. Погоди, паланкин или карета?

...Все-таки бедность — это диагноз, даже вообразить жизнь богачей не получается.

После ужина в лавке не было посетителей.

Хозяин развалился за прилавком и, увидев его, на удивление не сказал Делай что хочешь, а с легким упреком произнес:

— Ты, наверное, уже слышал, что из Десяти врат ада сбежал демон. Сейчас в южных четырнадцати округах, кроме элиты из военного ведомства, подняты на ноги все практики выше Стадии Малой Колесницы. Ваши вице-ректор и ректор в последнее время тоже отсутствуют... Это не шутки, не выходи по вечерам в ближайшие пару дней, сейчас неспокойно.

Чэн Цяньжэнь опустил зонт, озадаченно хлопая глазами:

— Что? Я ничего не знаю.

Лицо хозяина на мгновение застыло. Чэн Цяньжэнь впервые видел его в такой неловкости.

— Кхм, у меня тут много народу ходит, вот и услышал краем уха. Думаю, в академии вас завтра оповестят.

Сказав это, он поспешил выпроводить его.

По дороге домой Чэн Цяньжэнь размышлял: если хозяин прав, не объявят ли завтра в городе военное положение?

Вдруг ему пришла в голову мысль: та женщина-библиотекарь из книгохранилища говорила, что молодой ученый занят эти два дня. Может, он великий практик? И сейчас отправился усмирять демона?

Он усмехнулся, покачал головой и отбросил эту нелепую догадку.

17. Осада города

— Жетон, хорошо, следующий.

Утром Чэн Цяньжэнь пришел в академию и увидел очередь у высоких ворот. Десяток стражей в черном проверяли жетоны у каждого входящего.

Обычно в часы занятий алые ворота были распахнуты, у них стояли лишь двое стражников, и любой студент в форме мог пройти свободно. Даже на таких, как Гу-эр, который носил халат кое-как, они смотрели сквозь пальцы.

Сегодня студентов начали досматривать с пристрастием, и те, не понимая причин, сбивались в кучки и шумно гадали, что происходит. Это был лишь восточный вход, а главные северные ворота были вдвое больше и пропускали еще больше людей — страшно представить, что творилось там.

Кто-то предположил, что в академию приедет важная персона:

— Старшие братья рассказывали, три года назад, когда князь Аньшань посещал вице-ректора, в академии было полное оцепление, чтобы никто не пробрался с целью покушения.

Другие считали, что это причуда ректора:

— Я слышал, как-то раз он гулял, решил, что у нас в академии слишком чисто и не к чему придраться, и заставил стражу пересчитать всех карпов в пруду Тайе!

В Академии Наньюань было шестьсот преподавателей, но распоряжались всем двое. Вице-ректор отвечал за обучение, а ректор — за дисциплину и порядок. Он устанавливал правила и следил, чтобы их соблюдали.

Внутри академии гадать уже не пришлось: на колоннах галерей, дверях и окнах учебных корпусов были расклеены броские объявления.

Прочитав их, Чэн Цяньжэнь подумал: неужели хозяин лапшичной теперь такой осведомленный?

Сюй Жань похлопала Чэн Цяньжэня по плечу:

— Прочел? Что там написано?

Трое друзей, не опоздав на урок Основ военной теории, встретились у входа в аудиторию.

— Из Десяти врат ада сбежал демон и направляется на юг. С сегодняшнего дня при входе в город проверяют подорожные, чиновники и стража патрулируют улицы круглосуточно. В академии проверяют жетоны, при обнаружении подозрительных лиц нужно немедленно докладывать страже.

Студенты не осознавали, насколько ужасен демон. Их молодые лица светились возбуждением от причастности к важному событию. Пока учитель не пришел, кто-то из бывалых старшекурсников начал разглагольствовать, окруженный толпой — все слушали, как он перечисляет демонов из Десяти врат ада и гадает, кто из них мог сбежать.

Трое друзей сидели на последнем ряду, словно в изоляции.

Чэн Цяньжэнь уже приготовил кисть и открыл книгу, а Гу Сюэцзян, видимо, не выспавшийся, прикрыл глаза, дремля.

Сюй Жань, тоже не проявляя интереса, достала книжку с историями. Чего они так радуются? В таких делах военные всегда несут огромные потери. И не в честном бою, а просто выигрывая время для великих практиков — по сути, их используют как пушечное мясо.

Вдруг раздались два резких щелчка — старый учитель ударил по столу указкой:

— Соблюдать тишину!

Чэн Цяньжэнь подтолкнул Гу Сюэцзяна:

— Урок начался.

Сюй Жань добавила:

— Да пусть спит. Кто знает, где он всю ночь пьянствовал? У учителя плохое зрение, не заметит.

Учитель видел плохо, но Гу-эр слышал хорошо. Он открыл глаза и взглянул на книжку в руках Сюй Жань:

— Опять читаешь? До какой главы дошла?

Сюй Жань давно махнула рукой на свои успехи в литературе, и на таких скучных уроках, с которых нельзя уйти, чтение историй стало лучшим способом убить время.

Но она читала не о нежных чувствах барышень и талантах, а о суровых воинах с огромными мечами, которые несли бремя кровавой мести, прокачивались и становились непобедимыми.

Сюй Жань ответила:

— Тринадцатая глава, Великий герой штурмует строй Драконьих врат, красавица мечется между любовью и ненавистью.

— О, — неспешно проговорил Гу-эр. — Отец Ван Аотяня — великий герой Ван, его враг — глава клана Чжао. Он не выбрал владычицу Демонического дворца и в итоге женился на младшей сестре-ученице. У них родилось двое сыновей и дочь. Конец книги.

Сюй Жань захлопнула книгу и выпалила:

— Гу Сюэцзян!

— Не за что, пустяки.

Раньше Гу-эр презирал вкус Сюй Жань: «Вечно читаешь всякую чушь, откуда в этом мире взяться таким героям?», но потом сам подсел на них, всегда читал быстрее нее и вечно спойлерил.

Из-за этого у Сюй Жань каждый месяц случались дни, когда ей хотелось его прирезать.

Чэн Цяньжэнь невозмутимо сидел между ними, читая книгу и делая пометки — пока Сюй Жань не пускала в ход кулаки, он позволял им развлекаться как угодно.

Гу-эр достал какую-то тетрадь:

— Раз не читаешь, держи, поменяемся.

Чэн Цяньжэнь передал ее Сюй Жань. Та открыла и увидела разбор Техники Меча Линьшуан: каждый прием был расписан с примерами, как отвечать на те или иные движения противника. На каждой странице были нарисованы схемы траекторий меча.

Сюй Жань, обычно соображавшая медленно, вдруг удивительно быстро все поняла:

— Ты это всю ночь писал?

Гу-эр ответил раздраженно:

— Нет! Я всю ночь пьянствовал.

Сказав это, он снова закрыл глаза. Сюй Жань не нашлась что ответить и молча принялась изучать схемы.

Вдруг в передних рядах поднялся шум — учитель кого-то отчитывал. Она подняла голову и, увидев настоящий Меч Линьшуан, испугалась.

Она спросила Чэн Цяньжэня:

— Почему они здесь?

— После поступления первокурсники выбирают дополнительные предметы, мы в свое время тоже выбирали.

— И они выбрали то же самое, что и мы?!

Чэн Цяньжэнь оказался терпеливее Гу-эра:

— Это не совпадение. На наш предмет никто не хочет идти, здесь больше всего свободных мест. Скорее всего, им просто не досталось ничего другого.

Сюй Жань вспомнила, что сама выбрала этот урок, а Гу-эр тогда сказал, что выбор «просто гениальный». Теперь она поняла, что он имел в виду.

Среди десятка первокурсников больше всего выделялись высокомерный молодой господин и его невозмутимый слуга. Некоторые даже вставали, чтобы уступить им места, чтобы те не сидели, как остальные, на задних рядах.

Кому-то это не понравилось:

— Так откровенно лебезить, неужели не стыдно?

Тут же последовал ответ:

— Посмотри на их происхождение. Того, что у них между пальцев утекает, нам на всю жизнь хватит. Я бы тоже хотел, да совесть не позволяет.

Аудитория наполнилась шепотом, завистью и восхищением, а студентки краснели, пытаясь разузнать о них побольше.

Старый учитель, разозлившись, ударил указкой по столу и указал на одного из студентов:

— Повтори мой вопрос!

Студент промямлил что-то невнятное. Учитель вызвал еще десятерых, но никто не смог ответить.

Наконец, студент с первого ряда, чей конспект был безупречен, положил конец этому позору:

— Вы спросили: во время Восточного похода сто пятьдесят лет назад, если бы вы были генералом демонов, смогли бы вы захватить город Чаогуан?

Восточный поход в истории был предпринят самим нынешним Императором. Начав с подножия гор Дунчуань, он дошел до границы Снежных земель и воздвиг заставу Байсюэ.

До этого там была хаотичная ничейная земля, большую часть которой занимали демоны, а остальное поделили между собой малые племена.

Когда началась война, слабые племена сдались и перешли на сторону Тяньци, но демоны начали яростную контратаку.

Великий демон-король стянул пятнадцать тысяч воинов из Снежных земель. Десять тысяч демонов осадили Чаогуан — самый восточный город империи на тот момент.

В истории люди удерживали Чаогуан целый месяц, пока основные силы не прорвали окружение, а с юга не подошло подкрепление. В итоге демоническая армия была разгромлена под стенами города. Это стало решающей битвой Восточного похода.

Учитель повторил вопрос и указал на виновника беспорядка:

— Отвечай.

Чжун Тяньюй встал под всеобщими взглядами и невозмутимо произнес:

— Тогдашние стены Чаогуана были высотой около тридцати чжанов, ров — шестнадцать чжанов шириной и двадцать глубиной. На стенах находились десять практиков выше стадии Малой Колесницы, которые управляли сотней камнеметов и арбалетов, делая оборону неприступной. Через десять дней силы практиков иссякли, пехота демонов прорвала линию обороны и продвинулась на двадцать чжанов. Однако во рву были заложены рунные массивы, в которых тонули все, кто пытался переправиться...

Он говорил логично и четко. Сначала проанализировал ситуацию, а затем предложил свою стратегию захвата.

Студенты пристыженно притихли: мало того, что у этого парня знатное происхождение, так еще и знания глубокие.

В конце он добавил:

— Мой вывод: даже при наличии осадных орудий город можно было взять максимум на тридцать пятый день, но к тому времени к Чаогуану уже подошло бы подкрепление с юга...

— Крепость Чаогуан — главная цитадель континента с мощнейшими оборонительными рубежами. При тех силах демонов взять ее за месяц было невозможно.

В аудитории раздались бурные аплодисменты.

Чжун Тяньюй внешне оставался спокойным, но уголки его губ предательски поползли вверх, выдавая гордость.

Такие подвиги, как Восточный поход Императора, были лучшим материалом для учителей в столице. Приглашенные в его дом наставники повторяли это больше двухсот раз, а эти деревенщины даже не удосужились выучить ответ.

Он повернулся и посмотрел на задние ряды:

— Это лишь мое скромное мнение, прошу прощения, если оно показалось вам неверным. Не хочет ли молодой господин Гу-второй высказать свои соображения?

В классе был только один человек с фамилией Гу. Все взгляды устремились на Гу Сюэцзяна.

Гу Сюэцзян спал, и его разбудили, когда он был в дурном настроении. Чэн Цяньжэнь быстро повторил ему вопрос:

— Сможешь ответить?

Он подумал: если не сможешь, я начну нести чушь, лишь бы перебить его.

Но Гу-эр потер виски и внезапно поднялся:

— Конечно, нужно было идти в лобовую атаку, бросить все силы, не считаясь с потерями, и захватить город как можно быстрее, не давая гарнизону дожидаться подкрепления. Сто пятьдесят лет назад на стенах Чаогуана не было рун защиты, в городе было всего тридцать тысяч защитников, а у меня — сто тысяч элитных воинов.

— Пехота должна была идти в атаку волнами, день и ночь. Практики на стенах выдохлись бы через восемь дней, и тогда я взял бы город меньше чем за трое суток!

Чжун Тяньюй был ошеломлен его напором, но, собравшись, с пренебрежением спросил:

— На стенах не было рун, но во рву они были. Сколько дней тебе понадобилось бы, чтобы построить мосты?

— Зачем мне переправляться через ров? — Гу Сюэцзян, чья злость после сна еще не прошла, усмехнулся. — В десяти ли от поля боя есть деревни. Я бы захватил шесть тысяч пленных мирных жителей, добавил к ним четыре тысячи пленных солдат — всего больше десяти тысяч.

Я бы приказал им взять мешки с песком и под прикрытием копий гнал бы на передовую. Разве ров не заполнился бы?!

Один из студентов не выдержал и, дрожа, указал на него пальцем:

— Ты... ты лишен человеколюбия!

Гу Сюэцзян рывкнул:

— Разве Его Величество объединил Поднебесную с помощью человеколюбия? Он сделал это благодаря элитным войскам и высшему мастерству! К тому же вопрос предполагает, что я генерал демонов, а ты читаешь мне лекции о добродетели!

— Как только ров был бы заполнен, армия пошла бы вперед. Как только двенадцать осадных башен достигли бы стен, я начал бы штурм.

— На одиннадцатый день город пал бы, а все защитники были бы перебиты. Я заменил бы пехоту, бросил раненых и с быстрой конницей прорвался бы вперед, разделившись на два отряда, обошел заставу Юньчжун и соединился на тракте Чжэлань. Дальше — ровная дорога прямо в сердце континента, прямо к столице!

— В это время элита империи была бы заперта у заставы Байсюэ, а шестьдесят тысяч подкреплений с юга только дошли бы до города Наньян!

Сказав это, Гу Сюэцзян выдохнул. Злость прошла, и только тогда он заметил, что все смотрят на него с ужасом.

Лицо Чжун Тяньюя стало бледным:

— Ты... ты... в столице есть массив Жизни и Смерти, который стоит десять тысяч лет, его невозможно взять твоими сорока тысячами конников демонов!

Гу Сюэцзян:

— Я и не собирался брать столицу, вопрос был только про осаду города. Я просто сделал это заодно.

18. Два жемчуга

Чэн Цяньжэнь мог прочесть по лицам учителя и однокурсников одно: «Молодой человек, а мысли у тебя опасные!»

Чжун Тяньюй первым пришел в себя, но, не найдя, что ответить, лишь бросил: «Чушь какая-то», — и сердито сел на место.

Старый учитель отложил указку и сделал пометку в журнале:

— Нестандартное мышление. Я добавлю тебе баллы к годовой оценке.

Затем он сам начал хлопать, и остальные студенты, словно очнувшись, взорвались аплодисментами.

Гу Сюэцзян стоял прямо, словно герой.

Вдруг он расслабился и небрежно опустился на стул. Чэн Цяньжэнь услышал его смех.

Тихий, короткий смешок — словно он смеялся над Чжун Тяньюем или над самим собой.

И в этой шумной атмосфере Чэн Цяньжэню вдруг стало очень грустно.

Если бы меридианы Гу Сюэцзяна не были разрушены, он все еще оставался бы заместителем командира дворцовой стражи. Если бы на границе началась война, он мог бы просить об отправке на фронт, вести войска в бой и сражаться с достойным противником.

А теперь он вынужден сидеть здесь и вести словесные перепалки с заносчивым мажором.

Учитель вернулся к преподаванию, и интерес студентов к предмету, подогретый случившимся, заметно вырос — многие выпрямили спины и начали строчить конспекты. Жажда знаний достигла небывалого накала.

Гу Сюэцзян по-прежнему лениво развалился на стуле, словно это не он только что произнес пламенную речь.

Как друг, Чэн Цяньжэнь не мог не проявить участия:

— Не грусти так сильно.

Гу-эр не понял:

— С чего бы мне грустить?

— А чему ты смеялся?

— Ты забыл, что в первый день нам срезали сорок баллов за опоздание? Урок, на котором мы

были почти списаны в утиль, вдруг принес нам баллы — на твоём месте я бы тоже смеялся!

Чэн Цяньжэнь:

— ...

Сюй Жань, услышав это, загорелась:

— Тогда, если в следующий раз вызовут меня, продиктуй мне ответ, чтобы я тоже баллы получила!

Гу-эр покосился на нее:

— Читай свою книгу. После урока к тебе придут.

Как только пробило час Сы, прозвенел звонок, но студенты, вопреки обыкновению, не бросились к выходу. Большинство остались обсуждать тему, некоторые побежали за учителем, чтобы задать вопросы. Старый преподаватель давно не видел такой атмосферы и был глубоко тронут, даже прослезился.

Сюй Жань потянулась, встала и подождала, пока Чэн Цяньжэнь соберет кисти и тушь.

Вдруг кто-то преградил ей путь, задрал подбородок:

— Вызов на поединок получили?

Чэн Цяньжэнь и Гу Сюэцзян тут же встали. Все трое стояли, и, по крайней мере внешне, они выглядели внушительнее, чем двое противников.

...Хотя драться могла только Сюй Жань.

— Давно получили.

Вчера, когда она была на уроке владения саблей, один из сокурсников передал ей это письмо, и вокруг собралась толпа:

— Учитель назначил тебя проводником для этого парня, почему вы поссорились?

— Он обидел моего друга.

Все качали головами:

— Не понимаю тебя.

Большинство из них видели двух друзей Сюй Жань — один смазливый, другой — вечно в поношенной одежде, выглядели они как слабаки. Как она с ними вообще сошлась?

— Босс, я слышал, Чжун Шилу уже вошел в стадию Завершения Очищения Ци. Ты сможешь его победить?

Чжун Шилу — так звали того Мечника-слугу. Босс — прозвище Сюй Жань в Академии Циншань.

Однокурсники называли ее так из-за ее импульсивности и привычки всегда лезть вперед, это было скорее шуткой.

Но за пределами академии, на том пестром рынке на западе города, у нее были настоящие младшие братья, которые искренне считали ее своим боссом.

Сюй Жань погладила рукоять сабли:

— Вот подеремся и узнаем!

Все рассмеялись:

— Отлично! В выходной мы все придем тебя поддержать!

Кто-то добавил:

— Я еще ребят из других классов позову!

Боевые практики из Академии Циншань были такими: они не смотрели на происхождение и статус, не стремились к сильным мира сего, а ценили только силу и верность.

Хотя Сюй Жань больше не училась в Циншань, две сабли за ее спиной были слишком заметны, и многие ее узнавали. Когда Чжун Тяньюй с мечом-служгой преградили ей путь, оставшиеся в аудитории студенты остановились, чтобы посмотреть на них.

К разочарованию многих, зачинщики не стали ничего говорить, лишь удостоверились, что вызов принят и отступить она не собирается, после чего ушли.

У Чжун Тяньюя сегодня было отвратительное настроение. Ему хотелось сказать Гу Сюэцзяну «пусть порадуется еще день, все равно придется встать на колени и просить прощения», но на глазах у всех это было бы недостойно аристократа. Пришлось стерпеть.

В эти два дня академия стояла на ушах.

Две причины: во-первых, сбежавший демон, из-за чего стража в черном патрулировала все вокруг, нервно озираясь.

Во-вторых, в выходной должен был состояться поединок: с одной стороны — практик из столицы, представитель рода Чжун, одного из четырех великих кланов; с другой — Сюй Жань из Академии Циншань, известная своими двумя саблями и ни разу не проигравшая.

<http://bllate.org/book/21041/2140657>